

Экзистенциализм в японской литературе эпохи модерна

Екатерина Туманян, студент, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва), emtumanyan@edu.hse.ru

В работе исследуются истоки формирования экзистенциальной проблематики в японской художественной литературе эпохи после второй мировой войны. Выделяется круг тем и проблем, общих для японского экзистенциального романа. Экзистенциальная проблематика рассматривается в связи с историко-социальным и культурным контекстом, в котором оказалась Япония после поражения во второй мировой войне. Экзистенциальные проблемы решаются японскими авторами посредством обращения к буддийской концепции пустоты. Индивид, рассматриваемый как часть целого, тем не менее, признается носителем целого во всей его полноте, вместилищем величия пустоты.

Ключевые слова: японский экзистенциализм, японская литература, Япония после второй мировой войны, проблема «я», ватакуси-сёсэцу

Для цитирования: Туманян Е.М. Экзистенциализм в японской литературе эпохи модерна // Метаморфозис. 2025. Т. 9. № 2. С. 23-36.

Дата поступления: 01.09.2024.

Введение

Развитая система японской эстетики и буддийское мировоззрение оказали огромное влияние на развитие японской литературы. Золотой век японской литературы – период Хэйан, ознаменовался созданием произведений, которые до сих пор считаются вершиной японского литературного искусства. Ведущими литературными жанрами этой эпохи были моногатари – прообразы современных романов, никки – дневники и путевые заметки, а также исторические летописи. В Хэйанскую эпоху японская проза пережила время своего расцвета и затем на долгие столетия уступила место поэзии. В романах и жизнеописаниях периода Хэйан мы видим ключевые тенденции и черты, которые вплоть до наших дней будут характерны для японской литературы: преобладание личных, интимных описаний жизни над эпическим жанром; большое внимание, уделяемое внутренним переживаниям человека; множество описаний красоты природы и окружающего мира; и, главным образом, влияние традиционной японской эстетики, вдохновен-

ной буддизмом, где женственному, скрытому и мимолетному отдается предпочтение перед мужественным и явным. Эпоху Хэйан также называют веком женской литературы, потому что большинство самых значимых произведений этой эпохи, такие как, например, «Повесть о Гэндзи» и «Записки у изголовья», были написаны женщинами. Произведения золотого века японской литературы продолжают оказывать большое влияние на японских писателей вплоть до XX-го века.¹ Многие из писателей, такие

как Нацуме Сосэки, Дзюнитиро Танидзаки и Ясунари Кавабата, признавали литературу эпохи Хэйан, в частности, «Повесть о Гэндзи», вершиной японской литературы, оказавшей на них огромное культурное влияние и предопределяющей их путь как литераторов. Изысканную красоту «Гэндзи-моногатари», вдохновенную дзэн-буддизмом, Ясунари Кавабата назвал основой истинно японского искусства, традициям которого он следует в своем литературном творчестве².

К началу эпохи Сёва (1926–1989) в японской литературе сложились два основных течения – реалистический роман и «я-роман» (ватакуси-сёсэцу). «Я-роман» продолжает традиции литературного дневника³. В отличие от реалистического романа, «я-роман» описывает окружающий мир через призму индивидуального восприятия мира человеком, акцент делается на внутренней жизни и личностных переживаниях, в то время как социальные проблемы уходят на второй план.⁴ Как правило, такие романы наполнены психологизмом и сюрреалистическими описаниями действительности. «Ватакуси-сёсэцу» можно назвать началом экзистенциальной литературы в Японии: в романах этого жанра зарождается идея несовместимости лич-

¹ Сковорода Е.Л., Луцкий А.Л. Духовная традиция и общественная мысль в Японии XX века. М.: Центр гуманитар. инициатив; Университет. кн., 2014.

² Кавабата Я. Красотой Японии рожденный // Избранные произв. / пер. с яп.; послесл. Т. Григорьевой; М.: Панорама, 1993.

³ Рехо К. Современный японский роман. М.: Наука, 1977. С. 211.

⁴ Ekimitsu R. Junshu Sosetsu-ron (Theory of Pure Literature) // Nihon kindai bungaku hyōron-sen (Modern Literary Review Journal), 2004. P. 192–213.

ного и общественного, которая затем станет ключевой в послевоенных романах японских экзистенциалистов⁵.

Писатели-экзистенциалисты, на которых будет сосредоточено внимание в этой статье – это Осаму Дадзай, Юкио Мисима и Кобо Абэ. Все трое – яркие представители послевоенного экзистенциализма. «Исповедь неполноценного человека» Дадзая Осаму – образец послевоенного «я-романа», где «я» человека не находит себе места в абсурдном и бессмысленном окружающем мире. Его творчество пронизано экзистенциальным трагизмом повседневности человеческого бытия, мотивом отчуждения и невозможности контакта с безразличным миром. Как и Дадзай, Юкио Мисима в своем творчестве исследует понятия нормы и «нормальности», несоответствия глубины внутренних переживаний личности и плоскости, абсурдности окружающего мира. В своих поздних эссе Мисима раскрывает свое мировоззрение, в котором он противопоставляет красоту солнечного, открытого внешнего мира мраку и порочности внутреннего мира человека, продолжая начатое в литературном творчестве противопоставление. Вслед за ним Кобо Абэ, начавший писательскую карьеру немного позже, выдвигает вопрос о том, где берет начало противоречие между внутренним и внешним, и что является источником враждебности – внешний мир или «я» человека. Абэ также ставит вопрос о подлинности «я» и предлагает собственную теорию отношений между «я» и «Другим», которую он называет «теорией соседства». Все эти авторы поднимают в своем творчестве схожие проблемы, но рассматривают их с разных сторон, создавая новые грани классических экзистенциальных проблем, берущих свое начало в произведениях западных экзистенциалистов, и открывая новую проблематику, особое внимание которой уделяется в экзистенциализме японском⁶. Так, у Мисимы экзистенциальный вопрос о первичности человеческого существования по отношению к сущности соприкасается с вопросом об отношениях человека и Прекрасного; у Дадзая возникает вопрос о том, что делает человека человеком, и в какой момент он перестает быть собой – тогда, когда угождает другим или в тот момент, когда перестает быть нужен другим, видимым ими – то есть встает вопрос о ценности и возможности существования человека вне общества, вне его сущности; у Абэ одновременно с вопросом о свободе встает и вопрос о ее ценности, действительно ли человек нуждается в свободе, или его реальной потребностью является не свобода, а борьба?

⁵ Карелова Л.Б. Ключевые мировоззренческие проблемы в японской философии XX века (историко-философские очерки). М.: ИФ РАН, 2017. С. 53.

⁶ Скворцова Е.Л. К проблеме восприятия западной философии в Японии // Вопросы философии. 1985. № 10. С. 132–139.

Осаму Дадзай: Вопрос о человеческой сущности

Осаму Дадзай (1909–1948) был младшим ребенком в зажиточной аристократической семье потомственных политиков. Он рос в деревне, окруженный своими многочисленными родственниками. Будучи тихим и застенчивым, с самого детства он не подавал больших надежд – родители хотели видеть его чиновником. Когда Дадзай подросток, его отношения с родителями окончательно испортились – семья отказывалась принимать декадентский образ жизни Дадзая и его невесту-гейшу. Дадзай полностью разорвал все связи с семьей, выписавшись из семейной книги и отказавшись от наследства. В течение своей жизни Дадзай совершил несколько суицидальных попыток, переживал алкогольную и наркотическую зависимости, страдал от множества хронических болезней. Несмотря на это, Дадзай становится популярным и востребованным писателем. Помимо литературных работ, Дадзай пишет множество эссе, одно из самых значительных – «Знаменосец XX-го века», в котором он высказывает свои мысли о роли писателя. Литература, согласно Дадзаю, призвана отражать трагизм жизни, само существование литературы – это трагедия, потому что она представляет собой искусство обмана. Литература не может отразить истинной реальности, утверждает Дадзай, потому что люди неизбежно одиноки и не способны понять боль друг друга. Истинная любовь может открываться только бесшумно, а любая попытка придать чувствам словесную форму превращает их в обман⁷.

В своем послевоенном творчестве Дадзай продолжает развивать темы одиночества и отчуждения, рожденные в его ранних работах. Его самую знаменитую повесть «Исповедь неполноценного человека», написанную в 1948 году, принято считать автобиографической работой, в которой автор обнажил собственные переживания и жизненный опыт.

Главным мотивом повести является проблема отчужденности человека от окружающего мира и стремления найти «мост», который будет связывать «я» с «Другим». Пытаясь построить такой мост, герой в итоге, наоборот, строит стену, которая навсегда закрывает возможность связи между ним и окружающими. Герой Дадзая по имени Ёдзо с детства чувствует абсурдность мира: существование представляется ему бессмысленным, а отношения, которые люди строят между собой – фальшивыми. Окружающий мир внушает ему ужас: «Постоянно люди ввергали меня в панический ужас, я уверовал, что не состоялся как человек, и все это вылилось в то, что я скрывал свои терзания в тайниках души...»⁸. Герой чувствует свою непохожесть

⁷ Дадзай О. Нидзю-сэй ики-кисю (Знаменосец двадцатого века) // Титосэ сюппан (Издательство Титосэ), 1967. С. 23.

⁸ Дадзай О. Исповедь «неполноценного» человека / Пер. с яп. В. Скальника. М.: Аграф, 1998. С. 32.

– еще в детстве не понявший смысла обыденных повседневных ритуалов, он боится задавать вопросы и интересоваться целью принятых в семье обычных действий, напуганный авторитетом отца. Этот страх перед окружающими и их реакцией остается с Ёдзо на всю жизнь, остается и непонимание смысла происходящего – но теперь он не понимает значения не только обыденности, но и экзистенциального смысла жизни человека. Собственная жизнь и жизнь окружающих представляется герою бесцельной, страх перед людьми делает единственной его целью стремление подстраиваться и нравиться. Обнаруживая невозможность истинного сближения с другими людьми, он скрывает собственный страх и меланхолию. Веселая маска, которая была призвана доставлять окружающим удовольствие, становится для героя средством защиты от абсурдности и безразличия окружающего мира.

В повести находит свое отражение мысль автора о неискренности человеческих чувств и отношений. Во всех действиях окружающих людей Ёдзо видится обман: повторив судьбу автора, герой оказывается отвергнут и забыт собственной семьей. С детства он считает себя порочным, не похожим на других, свободным он чувствует себя только в компании таких же как он «отверженных». Однако привычные способы социального взаимодействия, такие как слова, герой отвергает, поскольку слова – это не «мост», соединяющий его с Другим, но «стена», закрывающая их друг от друга. Выражением искренности для Ёдзо становится молчание как возможность невербального общения вне правил, с которыми неизбежно связаны слова. Еще один обман – это сама жизнь, которая представляется герою тюрьмой; истинную свободу он рассчитывает обрести в смерти. Познакомившись с девушкой, которую герой считает такой же отверженной, как и он, он решается на совместное самоубийство как символ наивысшей близости между ними. Ёдзо удается спасти, но девушка погибает. Этот эпизод повторяет один из моментов биографии автора повести – его первую суицидальную попытку. Рефлексируя свой опыт, Дадзай пишет, что в попытке уйти из жизни он видел возможность освобождения от страха, который он всегда испытывал перед миром.

Главным страхом героя всегда было не угодить обществу, оказаться не таким, как все остальные, обнажив свою истинную сущность. Однако, когда он приходит к выводу, что «мнение общества» – это призрак, несуществующая абстракция, складываемая из мнений множества индивидов, а также что общество неоднородно, внутри него существует антагонизм мнений и внутренние противоречия, он теряет жизненный ориентир и ищет утешения в алкоголе и морфии. Со временем Ёдзо определяют в психиатрическую больницу, где он чувствует себя потерявшим человеческий облик, говоря его собственными словами: он – «больше не человек».

В повести заметна эволюция меняющего облик «Другого»: сначала – это властный и строгий отец, внушающий страх, затем – не менее строгое общество, в которое герой отчаянно пытается вписаться, показавшись не таким, какой он есть, затем – это «Другой», явившийся в облики друга, который смотрит на Ёдзо критическим взглядом, вечно оценивая и унижая его. В конце повести «Другой» представляет собой деструктивную силу, которая рушит последние опоры в жизни героя, уничтожая то, что было ценно для него. «Я» героя растворяется в «Другом», являющимся в разных образах, но всегда нападающим на героя извне, лишаящим его свободы. С детства герой чувствует, что он не такой как все люди, но стремясь стать «человечным», он теряет себя.

В повести Осаму Дадзая мы наблюдаем японскую постановку характерных для экзистенциализма проблем: проблемы абсурдности, заброшенности, бытия-к-смерти, противостояния с Другим, и другие классические для западного экзистенциализма проблемы, рассматриваемые в оптике отношений индивида и общества. Как и в других романах японских экзистенциалистов, которые мы будем рассматривать далее, заметна иная, по сравнению с западным экзистенциальным романом, постановка вопроса: чувства несовместимости внутренней жизни индивида и внешней жизни общества, абсурдности и бессмысленности существования вырастают у героя не из чувства отвращения или безразличия к миру, как мы будем наблюдать у западных авторов, а из чувства собственной порочности и несовместимости с окружающим миром. Герой чувствует себя неспособным слиться с окружающими и найти дорогу, которая свяжет его и других людей, и в этом он видит собственную вину, чувствуя себя несостоявшимся, лишним, «не человеком». Абсурдность мира основывается на непонимании героем законов, по которым живут другие люди, языка их отношений и смысла их жизни. Понимание герой Дадзая может найти лишь в сближении с себе подобными – такими же отверженными, оказавшимися на обочине жизни. «Я», которое не способно слиться с миром и стать единым с окружающими, оказывается дефектным, неспособным к существованию. Существование индивида вне общества невозможно, сущность человека – это его способность «быть человеком» либо притворяться им, потеряв эту способность, герой становится «не человеком».

Значимым является также и образ маски, роли, которую вынужден играть человек, не способный вписаться в общество. Мы найдем этот образ как в романах Юкио Мисимы, так и Кобо Абэ, которые дают иной ответ на вопрос, на который Дадзай Осаму отвечает самоубийством.

Мисима Юкио: существование прекрасного как экзистенциальная проблема

Мисима Юкио родился в 1925 году в семье высокопоставленного чиновника. Будучи слабым и болезненным ребенком, Мисима все детство провел в доме чрезмерно оберегающей его бабушки, которая и привила ему любовь к литературе и театру. В годы войны Мисима был студентом университета, читал немецкую и японскую классическую литературу. Большое влияние на него оказало прочтение самурайского кодекса чести Хагакурэ, чтение которого было обязательно для молодежи в качестве элемента патриотического воспитания – впоследствии Мисима посвятит этой книге одно из своих последних эссе «Книга самурая»⁹. Как и в случае с Дадзаем, творчество Мисимы отмечено ранним успехом: с юности он принимает участие в деятельности литературных кружков, публикуется в литературных журналах, находясь под покровительством Ясунари Кавабаты. В своем творчестве Мисима описывает столкновение индивидуальности «лишнего» человека и общества, в которое он не может вписаться в силу своей врожденной ненормальности. Со временем Мисима начинает увлекаться политикой, сперва он тяготеет к левому движению, но к концу жизни его взгляды становятся радикально правыми. В свои последние годы Мисима пишет несколько критических эссе, пронизанных духом национализма и реваншизма. Он основывает частную военную группировку «Татенокай» и в 1970 году вместе с другими членами группировки совершает ритуальное самоубийство в знак протеста против политического курса, взятого японским правительством¹⁰.

«Исповедь маски», написанная в 1949 году, как и «Исповедь» Дадзая является автобиографическим произведением. Главный герой – Кими, имя которого является сокращением от настоящего имени Мисимы – Кимитакэ, описывается как порочный и с детства отличающийся от других. В романе Мисима описывает переживание человеком, отличающимся от других, своей «ненормальности» и стремление обрести «нормальность». Эта попытка заканчивается для героя самообманом, который, тем не менее, не приносит ему успеха. Притворство Кими не сближает его с другими людьми, а только отдаляет от них, попытка понять ценности и желания окружающих, вживаясь в их роль, кончается для него полным отвержением «нормального», к которому он так тянулся. В романе вводятся понятия «реальной жизни» и «жизни «я», своей жизни», грань между которыми герой чувствует очень остро в силу своих отличий от окружающих и невозможности установления понимания и контакта с ними. «Реальная жизнь» описывается как мир абсурда, в котором живут окружающие главного героя люди. Тяже-

⁹ Мисима Ю. Хагакурэ Нюмон: Книга самурая / Пер. с яп. А.А. Мищенко, Р.В. Котенко, СПб.: Евразия. 1999. С. 223–231.

¹⁰ Karatani K. Origins of modern Japanese literature. Duke University Press, 1993.

лая болезнь, постоянные бомбардировки, страх перед будущим призывом и смертью, сопровождающие юность героя, рисуют его картину мира как непостоянного и подверженного уничтожению – ничто не видится ему ценным в условиях постоянной угрозы смерти. В работе авиационного завода, где служит Кими, он видит квинтэссенцию абсурдности «реального мира», охваченного войной, где целью существования человека становится разрушение и смерть. «Реальный мир» описывается как мир необходимости, где человек вынужден мириться с непостоянством и брэнностью всех вещей. В то же время «свой мир» героя представляется ему темным, но абсолютно свободным. Ненормальность героя обеспечивает его внутреннюю свободу, так как именно из-за нее исключается возможность связи между его «миром я» и «реальным миром». С детства Кими ощущает не зависящую от него страсть, которая вопреки его воле влечет его к мрачному и иррациональному, которым наполнен его «мир я». Глубина и сила этого влечения превращают его в силу, «возвышающуюся над собственной абсурдностью» и абсурдностью «реального мира»¹¹. Ощущение собственной порочности, «темное чувство», которое нельзя ни с кем разделить, становится для героя силой, освобождающей его от давления «реального мира».

В «Исповеди маски» впервые описываются восхищение Прекрасным, светлой стороной жизни, и платоническая любовь как проявления «тоски по нормальности». Если абсурдный реальный мир представляется герою как мир тленных и изменчивых форм, а мир «я» как мрачный мир страстей и инстинктов, то роль духовного начала в романе играет чистая любовь, которую герой смог испытать из-за невозможности испытывать к женщинам иное влечение, кроме платонического. Восхищение Прекрасным, которое существует в ином, метафизическом мире, вне абсурдности повседневной жизни, становится щитом, защищающим героя от реального мира, внушающего ему ужас.

В романе «Исповедь маски» Мисимой предлагаются две трактовки «нормальности»: во-первых, это нормальность как средство связи с реальным миром, маска, которую вынужден носить главный герой. Но, с другой стороны, «нормальность» – это возможность превзойти абсурдность бытия путем соединения с Прекрасным, с основой мира, которая просвечивает в повседневности через постоянство любви, которое столь же непреклонно, как постоянство порочной мрачности «мира я». Это противопоставление светлой и темной стороны жизни будет производиться и в других работах Мисимы.¹² Атрибуты «светлой» стороны или стороны духа – это постоянство, неизменность, вечная красота. В «Исповеди маски» воплощением

¹¹ Мисима Ю. Золотой храм. Исповедь маски: романы // Пер. с яп. Г. Чхартишвили. Ростов на Дону: Феникс. 1999.

¹² Мисима Ю. Солнце и сталь // Пер. с яп. Г. Чхартишвили. СПб.: Азбука–Аттикус; Азбука, 2017.

этой красоты становится любовь героя, девушка, которая не меняется ни в мирные, ни в военные времена, сохраняя прежнюю чистоту и всегда оставаясь лучом света в его жизни. В другом его произведении, «Золотой храм», символом вечности Прекрасного станет храм Кинкакудзи, неподвластный силам обстоятельств и времени.

В романе «Золотой храм», написанном в 1958 году, Мисима связывает экзистенциальную проблематику с эстетической. Золотой храм, который для героя является воплощением Прекрасного, становится для него и преградой, заслоняющей остальной мир. Храм, воплощая собой недостижимость и вечность Прекрасного, напоминает герою о его собственной тленности и несовершенстве. Будучи заикой, он, подобно Кими из «Исповеди маски», чувствует, что его с другими людьми разделяет неподвластная ему и непреодолимая сила. Если в «Исповеди маски» «миром я» героя становится его внутренний мир, наполненный мрачными образами, то в «Золотом храме» этот мир состоит из его заикания. Если в дебютном романе Мисимы главным чувством героя по отношению к абсурдному миру становится страх, выраженный в страхе смерти на войне, то в «Золотом храме» герой, будучи монахом, не боится призыва и не подвержен этому страху. Война только радует его, потому что именно в военные годы он чувствует близость с храмом, обычно далеким и недоступным. Как послушник, так и храм могут быть уничтожены в пожаре войны, возможность неминуемой гибели объединяет их. Как и в романе Дадзая, герой мечтает о совместной смерти, которая сблизит его с храмом. Лишившись бессмертия как своего атрибута, Прекрасное перестает быть недостижимым, на его фоне герой перестает так остро ощущать собственное несовершенство. Но после войны храм становится снова недостижимым, и мечта героя о слиянии с вечностью рассыпается.

В романе описываются также вечные сомнения героя, разрывающие его между пониманием себя как существования и как сущности. Герой стремится огородиться от жизни, исчерпывая собственное представление о себе своей сущностью зайки и монаха. Он не пытается выйти за рамки этих болезненных для него ролей, пока не встречает друга, который, представляя собой «светлую» сторону жизни, преобразует все темные мысли и побуждения героя, находя в них светлую сторону. Однако герой противится мыслям, которые побуждают его изменить собственное представление о себе и в своих поступках руководствоваться чем-либо, кроме соответствия определенным им для себя ролям. Свое существование он приравнивает собственной сущности. Заикание здесь – метафора отказа героя выходить за рамки собственного «я». Задумываясь о том, что основой его бытия может быть существование, он не знает, что ему делать, теряется, запертый в своей сущности зайки. Осознавая себя как сущность, он чувствует силу и желает уничтожить вечное, которое вступает с ним в противоречие. В дальнейшем монах встре-

чает такого же калеку как он, который идет еще дальше и в собственной сущности калеки утверждает свое существование. Единственной важной и непреходящей вещью в мире он считает свою инвалидность, в то время как весь остальной мир представляется ему лишенным смысла. Из сущности может возникнуть существование, утверждает он, потому что именно постоянство сущности позволяет человеку быть основой собственного бытия.

Представление героя о постоянстве своей сущности вступает в противоречие с постоянством вечного храма, которому не страшны война и разрушение. Прекрасное пугает его своей неприступностью. Воплощаясь то в лице девушки, которую он любил в юности, то в виде храма, Прекрасное не контактирует с ним и отвергает его, существуя по ту сторону бытия. Герой не выносит Прекрасного, потому что оно в своей вечности заставляет его осознать собственную тленность. Столкновение с Прекрасным символизирует для него выход за пределы своего «я», за свою сущность заики, что для него невыносимо. В основе вечности храма его пустотность в буддийском смысле этого слова – как незавершенность. Храм не представляет собой законченного ансамбля, он выстроен в разнообразных стилях. Храм – это пустота, которая вмещает в себя все и напоминает герою о том, что он не вечен. Монах стремится уничтожить эту пустоту, придать миру законченность и форму, подобно собственной сущности заики, которую он также считает законченной. Осознав бессмысленность стремления придать форму Прекрасному, наделить его сущностью, герой уничтожает Прекрасное, но протест против разделения вечного и преходящего не удается. Сжигая храм, он делает последнюю попытку соединиться с Прекрасным, сгорев вместе с ним, но не может попасть внутрь храма – его двери оказываются наглухо заперты.

Кобо Абэ: освобождение от общинного мышления

Кобо Абэ родился в 1924 году. Детские и юношеские годы будущий писатель провел в оккупированной Японией Манчжурии. Во время войны Абэ учился на медицинском факультете Токийского университета, что позволило ему избежать призыва, но в дальнейшем он никогда не занимался медициной. В молодости Кобо Абэ становится членом Коммунистической партии Японии, но со временем разочаровывается в коммунистических идеалах в связи с репрессиями в отношении деятелей искусства в СССР и коммунистическом Китае. Он начинает свою карьеру писателя в 1947 году. Раннее творчество Абэ вдохновлено его воспоминаниями о жизни в Манчжурии и наполнено мрачными сюрреалистическими образами. К 60-м годам XX века он становится одним из ведущих авангардных писателей Японии, его романы «Женщина в песках» и «Чужое лицо» обретают всемирную известность. Писатель скончался в 1993 году, но его многочисленные рома-

ны, пьесы и эссе остаются одними из наиболее значительных произведений японской литературы эпохи модерна¹³.

В своих эссе Абэ создает концепцию «соседей» и «врагов». Переехав в города, пишет Абэ, люди сохранили деревенскую ментальность, поэтому они до сих пор чувствуют необходимость в делении окружающих на своих и чужих. Но такое разделение полностью исключило возможность какой-либо близости: окружающие воспринимаются только как носители роли «соседа» или «врага». Чтобы понять, кто свой, сначала определяют, кто чужой, и именно такой подход приводит к дискриминации и национализму¹⁴. Для избавления от этой опасности, необходимо отказаться от общинного образа мышления. Чтобы уничтожить концепцию «врага», необходимо сперва избавиться от концепции «соседа». Человек должен принять неизбежность своего одиночества и стереть понятие «соседа», стремясь общаться с другими людьми напрямую, а не через представление об их роли «соседей»¹⁵.

В романе «Женщина в песках», изданном в 1962 году, Кобо Абэ исследует проблематику потребности в свободе человека, существующего в мире, захваченном необходимостью. Герой, обманом заточенный в песочную тюрьму и вынужденный день за днем убирать нескончаемый песок, борется за свое освобождение ровно до того момента, как у него появляется возможность убежать. Как только герой получает «обратный билет», способный вернуть ему свободу, он отказывается от борьбы и находит свое привычное жалкое существование комфортным. Его мечта о свободе поддерживалась представлением о своей роли несчастного узника, но как только свобода оказалась реальной и доступной, герой потерял к ней всяческий интерес.

На протяжении романа героя окружает песок, образ которого представляет собой символ Ничто, пронизывающего все бытие героя – песок проявляется как опасное, уничтожающее начало (так, герой чуть не погибает в зыбучих песках, а семью женщины, с которой он живет, засыпает песчаной бурей), а так же как начало, дающее жизнь (в песках герой обретает близкого человека, смысл жизни и даже находит источник воды). Вечно кочующий, перелетающий с места на место, песок символизирует непостоянство и бесформенность пустотной (опять же в буддистском смысле слова) основы мира, с которой герой сливается в конце романа, отказавшись бороться с окружающим его песком.

Роман «Чужое лицо» открывает иную волнующую Абэ проблематику: его концепцию пустотности «я», которое становится кем-то, лишь примеряя роли. Главный герой лишается лица в ходе химического эксперимента и создает маску, меняющую его изначальный облик. В романе исследует-

¹³ Calichman R. The Frontier Within: Essays by Abe Kobo, 2013. P. 12.

¹⁴ Abe K. The Dark Side of The Cherry Blossoms // The Washington Post, 1981.

¹⁵ Calichman R. Opus. cit. P. 93.

ся значимость лица, которое становится основой самоощущения человека – сменив лицо, герой меняет свое поведение, совершая поступки, не свойственные ему прежде. Сущность, которую приписывает ему новая внешность, влияет на все его действия, определяя дальнейшую судьбу. Маска для героя была средством соединения с обществом, которое не принимало его существование без лица, вне определенной сущности. Прямое, непосредственное общение с окружающими становится для него невозможным: люди отвергают человека, которого нельзя никак определить. Тем не менее, финал романа демонстрирует, что, обретя новое лицо, герой лишь приписывал сущности причину своего поведения: на самом деле, в своих поступках он руководствовался собственными скрытыми желаниями. Маска освободила его, позволив совершить то, чего он всегда желал на самом деле. В романе Абэ демонстрирует концепцию «роли» на практике: прикрываясь внешней формой и сущностью, люди оправдывают собственные пороки¹⁶.

Таким образом, японский экзистенциализм, наследуя проблематику, разработанную западными экзистенциальными философами и писателями, вводит новые темы и вопросы, актуальные для послевоенной Японии. Можно заметить общие мотивы в работах японских экзистенциалистов, такие как проблема определения «нормальности» и соответствия норме; проблема возможности доверия и близости с окружающими людьми; тема одиночества, порожденного собственной «ненормальностью», установления «моста», связующего индивида и окружающих, противоречия между желанием слиться с миром и сохранить собственную идентичность; смерти как освобождения от абсурдности мира; отношений человека с Прекрасным, его освобождающую силу; отношений вечной Пустоты и смертного человека, являющего собой лишь одну из форм Пустоты; противопоставление представления о человеке как о постоянной, сформированной сущности и как о существовании, непостоянном, текучем и вечно меняющемся. Японские авторы связывают экзистенциальную проблематику с буддийской философией и традиционной японской эстетикой, обнаруживая близость европейского экзистенциализма и японской интеллектуальной традиции, раскрывая экзистенциализм с новой стороны и дополняя перечень классических экзистенциальных проблем новыми, возникающими на пересечении экзистенциализма и дзэн-буддизма.

Литература

Абэ К. Женщина в песках. Чужое лицо: Романы // Пер. с яп. В. Гривнина. СПб.: Азбука. 2000.

Дадзай О. Исповедь «неполноценного» человека / Пер. с яп. В. Скальник. М.: Аграф, 1998.

¹⁶ Абэ К. Женщина в песках. Чужое лицо: Романы / Пер. с яп. В. Гривнина СПб.: Азбука, 2000.

Кавабата Я. Красотой Японии рожденный // Избранные произведения / Пер. с яп.; послесл. Т. Григорьевой. М.: Панорама, 1993.

Карелова Л.Б. Ключевые мировоззренческие проблемы в японской философии XX века (историко-философские очерки) М.: ИФ РАН, 2017.

Мисима Ю. Золотой храм. Исповедь маски: романы // Пер. с яп. Г. Чхартишвили. Ростов на Дону: Феникс, 1999.

Мисима Ю. Солнце и сталь // Пер. с яп. Г. Чхартишвили. СПб.: Азбука-Аттикус; Азбука, 2017.

Мисима Ю. Хагакурэ Нюмон. Книга самурая // Пер. с яп. А.А. Мищенко, Р.В. Котенко, СПб.: Евразия, 1999. С.223–231.

Рехо К. Современный японский роман. М.: Наука, 1977.

Скворцова Е.Л., Луцкий А.Л. Духовная традиция и общественная мысль в Японии XX века. М.: Центр гуманитар. инициатив; Университет. кн., 2014.

Скворцова Е.Л. К проблеме восприятия западной философии в Японии // Вопросы философии. 1985. № 10. С. 132–139.

References

Abe K. The Dark Side of The Cherry Blossoms. *The Washington Post*. 1981.

Abe K. Calichman R.F. *The Frontier Within: Essays by Abe Kōbō*. 2013.

Abe K. *Zhenshchina v peskah. Chuzhoe lico: Romany* [The woman in the dunes. The Face of Another: Novels], transl. from Japanese by V. Grivnina. Saint Petersburg: Azbuka Publ., 2000 (in Russian).

Dazai O. *Ispoved' "nepolnocennogo" cheloveka* [No longer human], transl. from Japanese by V. Skal'nik. Moscow: Agraf Publ., 1998 (in Russian).

Dazai O. *Niju-sei iki-kishu* [Twentieth Century Standard-Bearer]. Chitose Shuppan Publ. (Chitose Publishing House), 1967.

Ekimitsu R. Junshu Sosetsu-ron (Theory of Pure Literature). *Nihon kindai bungaku hyoron-sen (Modern Literary Review Journal)*. 2004. P. 192-213.

Karatani K. *Origins of modern Japanese literature*. Duke University Press, 1993.

Kawabata Y. Krasotoj Yaponii rozhdennyj [Born of the beauty of Japan], in *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected works], transl. from Japanese by T. Grigor'eva. Moscow: Panorama Publ., 1993 (in Russian).

Karelova L.B. *Klyuchevye mirovozzrencheskie problemy v yaponskoj filosofii XX veka (istoriko-filosofskie ocherki)* [Key ideological issues in Japanese philosophy of the 20th century (historical and philosophical essays)]. Moscow: IF RAN Publ., 2017 (in Russian).

Mishima Y. *Zolotoj hram. Ispoved' maski: romany* [The Temple of the Golden Pavilion. Confessions of a Mask: novels], transl. from Japanese by G. Chkhartishvili. Rostov-na-Donu: Feniks Publ., 1999 (in Russian).

Mishima Y. *Solnce i stal'* [Sun and Steel], transl. from Japanese by G. Chkhartishvili. Saint Petersburg: Azbuka-Attikus; Azbuka Publ., 2017 (in Russian).

Mishima Y. *Hagakure Nyumon/Kniga samuraya* [Hagakure Nyumon/The Way of the Samurai], transl. from Japanese by A.A. Mishchenko, R.V. Kotenko. Saint Petersburg: Evraziya Publ., 1999. P. 223–231 (in Russian).

Rekho K. *Sovremennyj yaponskij roman* [Modern Japanese Novel] Moscow: Nauka Publ., 1977 (in Russian).

Skvorcova E.L., Luckij A.L. *Duhovnaya tradiciya i obshchestvennaya mysl' v Yaponii XX veka* [Spiritual tradition and social thought in Japan in the 20th century]. Moscow: Centr gumanitar. iniciativ; Universitet.kn. Publ., 2014 (in Russian).

Skvorcova E.L. K probleme vospriyatiya zapadnoj filosofii v Yaponii [On the problem of perception of Western philosophy in Japan]. *Voprosy filosofii*. 1985. N. 10. P. 132–139 (in Russian).

Existentialism in Japanese Literature of the Modern Era

Ekaterina Tumanyan, student, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow), emtumanyan@edu.hse.ru

The paper examines the origins of the formation of existential issues in Japanese fiction of the post-war era. It identifies a range of themes and problems common to the Japanese existential novel. Existential issues are considered in connection with the historical, social and cultural context in which Japan found itself after its defeat in World War II. Existential problems are resolved by Japanese authors by turning to the Buddhist concept of Emptiness. The individual, considered as a part of the whole, is nevertheless recognized as the bearer of the whole in its entirety, the receptacle of the greatness of Emptiness.

Keywords: existentialism, Japanese literature, post-World War II Japan, watakushi-shosetsu

For citation: Tumanyan E.M. (2025) Existentialism in Japanese Literature of the Modern Era // *Metamorphosis*. Vol. 9. N. 2. P. 23–36.

Date of receipt: 01.09.2024.